

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

Е. Г. МАЛЬЦЕВА

*Ростовская государственная консерватория (академия)
им. С. В. Рахманинова*

УДК 78.072.1

О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ЗИЛОТИ

В многогранной деятельности Александра Ильича Зилоти как пианиста, дирижёра, автора транскрипций и переложений, редактора, организатора, создателя концертной организации «Концерты А. Зилоти» значительное место занимала педагогика. В литературе о педагогической деятельности Зилоти при этом почти не упоминается, за исключением факта окончания его фортепианного класса С. Рахманиновым. Возможно, это связано с тем, что Александр Ильич преподавал в Московской консерватории только три года. Между тем, к педагогической работе Зилоти обращался на протяжении всей своей жизни (стаж работы в учебных заведениях включает двадцать лет). Через его класс прошли около 70 учеников, среди которых такие известные в России и за рубежом музыканты, как С. Рахманинов, К. Игумнов, А. Гольденвейзер, Л. Максимов, М. Блицштейн¹, Е. Истомин² и др. Отметим, что в определённый период жизни Александр Ильич ставил педагогику на первое место в своей профессиональной деятельности [6, с. 143].

Навыки фортепианной педагогики Александр Ильич получил благодаря Звереву, который, доверяя своему ученику, просил Зилоти давать уроки за него во время болезни [7, с. 192]. Затем А. И. Зилоти – профессор Московской консерватории (1888–1891). С 1899 г. Зилоти был почётным руководителем и наблюдателем по музыкальной части в Мариинском женском училище, сменив на этом посту своего учителя Н. Г. Рубинштейна [14, с. 25]. Позднее, по отзывам современников, он давал частные уроки, к нему обращались как к известному, именитому пианисту, и Зилоти, с одной стороны, не мог отказать «по мягкости характера» [11, с. 414], а с другой, у него было желание помочь талантливой молодёжи. После эмиграции в Америку, с 1925 по 1942 гг. Зилоти преподавал в Джульярдской школе музыки, где, продолжая традиции своих выдающихся учителей Н. Рубинштейна и Ф. Листа, стал одним из первых на Западе утверждать мировой приоритет русской фортепианной педагогической школы.

Несмотря на то, что Зилоти проработал в Московской консерватории всего три года, он остался в памяти своих учеников как яркая индивидуальность,

оказав определённое влияние на их дальнейшую профессиональную жизнь. Так, Игумнов впоследствии констатировал: «...следы влияния Зилоти я ощущаю на себе больше, чем кого-либо из учивших меня на фортепиано ... у меня был учитель, который оказал на меня решающее влияние во многих отношениях: это – Зилоти» [цит. по: 10, с. 40].

Как театр начинается с вешалки, так и процесс общения между учителем и учеником начинается с первого впечатления от облика педагога. Эффект первого знакомства во многих случаях определяет дальнейшую динамику процесса взаимодействия между людьми, хотя, безусловно, не является определяющим. Но личное обаяние педагога позволяет сразу расположить к себе учеников, что относится и к Александру Ильичу. Притягивала его внешность – высокая, статная фигура (он немного сутулился, но это несколько не портило облика), красивое благородное лицо, открытость взгляда и, как отмечал А. Александрович (оперный и концертный певец, неоднократно принимавший участие в концертах Зилоти), «казалось бы, никогда не покидавшее его ... великолепное настроение» [2, с. 215]. Н. Авьерино, поступивший в консерваторию в 1887 г., вспоминал, что Зилоти «был общим кумиром. Девушки таяли при встрече с ним, но и мальчишки и мы, полу-молодые люди, вроде Скрябина и меня, буквально обожали его. Да и как можно было не любить А. И[льи]ча: всегда весёлый, милый, приветливый – и какой музыкант!» [1, с. 277]. Своим талантом и обаянием Зилоти сразу внушал ученикам горячую симпатию. А. Гольденвейзер в воспоминаниях о Зилоти писал: «В нём было большое обаяние: он был красив, талантлив, приятен в общении. Зилоти был хороший человек, сердечно относившийся к ученикам» [3, с. 190].

Преподавать в Америке Александр Ильич начал в 63 года, но и тогда уже при первой встрече все отмечали аристократизм Зилоти, его внутреннюю силу и энергию. Он был высок, элегантно одет, носил пенсне и неизменно курил русские сигареты. Как вспоминал Евгений Истомин, Зилоти был восхитителен, невероятно благороден, изящен: «Вы ощущали себя в присутствии Короля» [цит. по: 15, с. 241]³. Приведём

характеристику, данную Зилоти Артуром Родзинским⁴, в то время – главным дирижёром оркестров Лос-Анджелеса и Кливленда. Посетив в 1934 г. семью Зилоти, он с восхищением вспоминал: «Зилоти был очаровательный джентльмен, изысканный, даже королевский в поведении, встречи, продлившись до его смерти, походили на огромный обратный шаг в историю манер и музыки» [там же, с. 215]. Поначалу во время уроков обращение Зилоти к студентам носило официальный характер: «мистер» или «миссис». Лишь спустя некоторое время, занимаясь с учениками, чувствуя ответную привязанность, Зилоти «открывался».

При личном общении со студентами в Джульярдской школе у Александра Ильича возникали определённые трудности, которые, впрочем, артистичному и общительному Зилоти несколько не мешали разряжать атмосферу занятий воспоминаниями, рассказами, шутками. Зилоти свободно говорил (кроме русского, конечно) на немецком, французском и немного на итальянском языках. Английским же овладел довольно поздно и с трудом. Большинство студентов Джульярда вспоминали о словарном запасе Зилоти как некотором недоразумении. Занятия с Марком Блицтайном, например, велись на французском, но в основном уроки проводились на смеси языков, что иногда приводило к курьёзам. Тэд Аппельбаум (студент Зилоти с 1932 по 1935 гг.) вспоминал, что Зилоти обращался к русскому языку в особенные моменты: «Когда я допускал какую-то музыкальную ошибку ... непонятный русский язык извергал (хорошее наглядное слово!). Одно часто повторяющееся осталось со мной. Когда это услышала Кириена⁵, она запретила мне его повторять; после озвучивания источника последовал взгляд её огромных глаз и скептический щелчок языка» [там же, с. 232].

Позитивный настрой Зилоти при общении отмечался всеми учениками. Е. Истомин вспоминал, что его учитель всё время «шутит, шутит, шутит» [там же, с. 241]. Юмор помогал Зилоти в атмосфере экзаменов с иронией реагировать на отсутствие таланта у учеников, особенно доставалось женщинам. У Зилоти было своё личное отношение к женщинам-пианисткам. Он, например, считал, что «женщина не может по-настоящему исполнить [Первый] Концерт Чайковского», а «если ей это удавалось, тогда она не была женщиной» [там же, с. 237]. Как вспоминала Прибыткова, если «Зилоти не видел в ученицах, которых, как он говорил, – „к сожалению, было гораздо больше, чем учеников“, настоящих способностей, он коротко заявлял: „Замуж ей надо“» [11, с. 415]. Ольга Самарова и Розина Левина подтверждают это в своих мемуарах: «...его типичным комментарием после игры средней ученицы было „Soll heiraten“»⁶, это означало, что претендент музыкально безнадёжен. В Джульярдской школе Зилоти в шутку предлагали

открыть «брачное агентство для отклонённых претендентов Джульярда» [15, с. 238].

Юмор помогал Зилоти легко выходить из конфликтных ситуаций. Отвечая директору Джульярдской школы на жалобу одного из преподавателей о том, что в классе, где занимался Зилоти, студенты очень громко играли, Александр Ильич объяснил, что «невозможно и абсурдно постоянно заниматься *pianissimo*» и что «определённое время можно было бы уделить для *fortissimo*» [там же, с. 244].

Благодаря коммуникабельности и позитивному настрою Зилоти, ему удавалось уже после первой встречи установить контакт с учеником и это, безусловно, создавало в классе атмосферу, способствующую более быстрому освоению студентами основ будущей специальности.

Заслуживает внимания позиция Зилоти в вопросе сходства или различия темперамента учителя и его воспитанников. Александр Ильич полагал, что ученик движется вперёд гораздо быстрее, когда у него и у учителя – противоположные темпераменты. Он вспоминал спустя 30 лет: «Когда у меня учился Рахманинов, у него уже проявлялись отдельные мрачные, пессимистические черты, которые отразились в его раннем творчестве. С другой стороны, я был оптимистом. То, что для меня было доброе солнечное утро – для него была чёрная полночь» [там же, с. 239].

Важным являлось и то, что, помимо знаний и навыков, получаемых на уроках, Зилоти не подавлял своих учеников мощью своего таланта, не унижал, когда что-то не получалось, а, наоборот, вселял уверенность в своих силах. Д. Суесс, приобретшая впоследствии в Америке репутацию превосходной пианистки, признавалась, что общение с Зилоти способствовало её профессиональному росту, вселило веру в себя и «расширило кругозор, не говоря уже о том, что она получила непосредственно на уроках» [там же, с. 242]. Гольденвейзер трепетно относился к любой похвале, идущей от Зилоти, которая буквально его окрыляла. В своих дневниках молодой музыкант радостно писал после одного из уроков: «Зилоти был очень добр и, кажется, доволен» [4, с. 13].

Зилоти очень внимательно относился к молодым музыкантам и по возможности старался им помогать. Г. Алоис вспоминала, что у Зилоти был огромный интерес к концертной карьере и частной жизни учеников. Так, когда Зилоти узнал, что у Гольденвейзера дома плохой инструмент, а в этот период шла работа над Концертом Шарвенки и ученику «не удавалось добиться той звучности, которой хотелось Зилоти» [3, с. 191], Александр Ильич предложил Гольденвейзеру заниматься у себя дома, на хорошем рояле. Дополнительным знаком внимания оказалось угощение, заботливо приготовленное учителем. Впоследствии, после ухода из консерватории, Александр Ильич помогал ученику советами. Гольденвейзер, тя-

желю переживавший расставание с Зилоти, видимо, на первых порах категорически не желал принимать П. Пабста, к которому был распределён. Зилоти в письме Гольденвейзеру настоятельно и с уважением к новому учителю призывает: «До меня дошли слухи, и я по твоим письмам вижу, что ты не во всём соглашаешься с Пабстом. Этого делать тебе не нужно, Пабст единственный хороший учитель в Консерватории и он тебе может много пользы сделать, а если будешь к нему недоверчиво относиться, то ничему у него не выучишься, и от того будет хуже тебе, а не ему» [цит. по: 4, с. 275]. К. Игумнов по прошествии нескольких лет вспоминал, что «в классе Зилоти держался на редкость просто, к ученикам относился внимательно, сердечно, как друг» [цит. по: 10, с. 38]. Определяя Игумнова в класс Пабста, Зилоти, невзирая на неприятие Сафонова как человека и администратора, очень уважительно охарактеризовал Василия Ильича как профессионала. Об этом рассказывал сам Игумнов: «Когда уехал Зилоти, надо было переходить в чей-то другой класс. Лучшим педагогом всем казался Сафонов. Но Зилоти, когда мы с ним обсуждали этот вопрос, говорил так: „Видите ли, Сафонов сейчас директор консерватории и с учениками занимается мало. Работает в классе он великолепно, но это происходит нерегулярно. Мне было бы приятнее, чтобы вы занимались у Пабста, хотя Пабст и придерживается совсем другого направления, чем я“» [8, с. 23]. Оценив со временем творческий потенциал М. Блицтайна, Зилоти пишет рекомендательное письмо, где характеризует его как «одарённого и высокообразованного композитора» [цит. по: 15, с. 231]. С этим письмом Блицтайн поехал в Европу для сотрудничества с Надей Буланже и Арнольдом Шёнбергом.

Отметим ещё одну черту Зилоти-педагога – бескорыстие и благотворительность. Александр Ильич всю свою жизнь помогал нуждающимся молодым талантам. Одним он сам оплачивал обучение. Об этом, в частности, сообщает С. Танеев в своих дневниках [13, с. 143]. Для оплаты других он привлекал близких ему людей, так в 1904 г. в письме А. Третьяковой-Боткиной (сестре жены) Зилоти пишет: «У меня есть мечта „подковать“ вас, трёх сестёр. Есть в консерватории 2 бедные ученицы: за одну нужно внести 200 руб., а другой нужно на житьё (сиречь, прозябание) по 36 руб. в месяц, т. е. 432 р. в год; я вот думал 200 р. взять от Веры, а Вас (каждой) по 144 р., т. е. по 12 р. в месяц. Сообщи мне, согласна ли ты на этот attentat [покушение. – фр.], если, конечно, и Люба и Мауша тоже согласятся?!» [5, с. 370–371]. Третьим Александр Ильич преподавал бесплатно. Прибыткова вспоминала, что Зилоти иногда соглашался заниматься, «главным образом, из желания помочь неимущей талантливой молодёжи» [11, с. 414]. В Америке большая часть студентов попадала к Зилоти через Джульярдскую школу, но он часто давал уроки и русским эми-

грантам, приезжавшим к нему для занятий частным образом. Большинство из них за уроки не платили вообще. Отвечая на запрос директора фонда Джульярда Джона М. Перри, представители руководства в числе других данных указали, что внешний доход Зилоти был незначительным, «если вообще имел место», о частном обучении было высказано предположение, что это «совсем немного ... и нам рассказывали, что он преподаёт им бесплатно, если они без средств» [цит. по: 15, с. 246].

Неоценимую помощь в понимании предназначения артиста, музыканта оказывали встречи американских учеников Зилоти с выдающимися музыкантами конца XIX начала XX века. Александр Ильич щедро предлагал знакомство с известными артистами своего времени и в классе Джульярда, и в студии, находившейся в гостинице «Ансония», где он жил и занимался со студентами. Кроме того, что сам Зилоти был для Америки легендой, у него бывали П. Казальс, Я. Хейфец, И. Гофман, П. Коханский, И. Падеревский, Л. Годовский, Л. Стоковский, А. Тосканини, Е. Цимбалист, Л. Ауэр, С. Кусевицкий, С. Рахманинов, И. Стравинский, А. Гаев⁷ и др. Всё это не в полной мере, но напоминало его круг общения в былые времена в России.

В Америке ученики Зилоти не только имели возможность общения с великими музыкантами, но наиболее одарённые могли им играть, если, правда, хватало самообладания и смелости не струсить перед такими именами. Б. Декстер вспоминал, как после определённых успехов в изучении Второго концерта Рахманинова, Зилоти предложил ему показать Концерт автору: «Сергей будет в городе на следующей неделе. Хотели бы вы поиграть ему?» [там же, с. 233]. Декстер был буквально парализован этим предложением и ... отказался. Другие не упускали столь редкой возможности. Зилоти занимался на уроке с Г. Алоис, когда открылась дверь, и в класс зашёл Рахманинов. По её словам, «эти два человека обожали друг друга. Я изучала фортепианный Концерт *d moll* Моцарта. Рахманинов сел и начал играть партию оркестра, в то время как я тащила в соло. Он был очень добр, и в своих замечаниях тоже» [там же, с. 233]. Совсем юный семилетний Истомин играл Рахманинову Сонату *G dur* Бетховена. Ученики, без сомнения, ценили огромное значение таких встреч, и на многих это производило неизгладимое впечатление. Истомин позднее говорил, что подобные встречи стали началом его знакомства с русской музыкальной культурой и «разожгли» страсть к музыке.

По окончании обучения со многими у Зилоти сохранялись тёплые дружеские и профессиональные отношения. После ухода Зилоти из консерватории Игумнов, Гольденвейзер и Рахманинов искали различные варианты возможности продолжения занятий с Александром Ильичом. Когда же стало известно об отъезде Зилоти за границу, Игумнов, влюблённый в

своего учителя, плакал, Гольденвейзер, как упоминалось, продолжительное время не принимал своего нового учителя – Пабста, а Рахманинов и вовсе отказался к кому-то переходить и досрочно окончил курс фортепиано.

Гольденвейзер достаточно сухо и сдержанно вспоминал о своём учителе в поздние годы, но на страницах дневников он с искренностью молодого человека признавался в любви к Зилоти. Он его обожал, боготворил. Похвала, услышанная на уроке, окрыляла и вдохновляла. Он даже завидовал Рахманинову, имеющему возможность постоянно общаться с Александром Ильичом. Проучившись два года у Зилоти, когда встал вопрос о возможном уходе профессора из консерватории, Гольденвейзер воскликнул: «Дай Бог, чтобы Сафонов ушёл, а иначе я буду между небом и землёй» [4, с. 21].

После отъезда Зилоти за границу учитель и ученик продолжали общаться посредством писем, в которых Зилоти всячески старался поддержать своего ученика, давал ему советы. Окончив консерваторию (заметим, у других педагогов), и Константин Игумнов, и Александр Гольденвейзер часто навещали Зилоти, чтобы поиграть ему, услышать его мнение, которым они, безусловно, дорожили. Игумнов летом 1895 г. посетил Александра Ильича в Германии, он не только играл Зилоти, но имел возможность послушать, как тот сам занимается, что являлось также обучением, только опосредованным. Как отмечал Игумнов, Зилоти «не прочь был взять меня с собой за границу, чтобы я там учился. Но мои родственники воспротивились» [8, с. 23]. Приезжая в Петербург, Гольденвейзер часто навещал Зилоти, а впоследствии принимал участие как солист в «Концертах А. Зилоти».

Евгений Истомин с теплотой вспоминал четыре года, проведённые под опекой семьи Зилоти. До конца жизни у Истомина в доме находился фотопортрет Зилоти с надписью «Молодому Евгению от старого Саши. Май, 1937, Нью-Йорк» [15, с. 242]. Александр Ильич и Вера Павловна Зилоти в течение многих лет оставались в хороших, близких отношениях с первым американским учеником Зилоти – Марком Блицстайном. Они содействовали его встрече с известным дирижёром Альбертом Коутсом⁸, неоднократно принимавшим участие в «Концертах А. Зилоти» в Петербурге. Вера была в числе меценатов, поддерживающих цикл лекций-конcertов, организованных Блицстайном в 1933 г. [там же, с. 247].

Определяющими профессиональными качествами Зилоти-педагога (это тема для отдельного рассмотрения) являлись: безусловная компетентность в специальности, желание делиться своим опытом, разнообразие в организации форм обучения (сочетание принципа мастер-класса и индивидуального подхода к студентам), всесторонний подход к изучению репертуара, включающий и тщательную работу над системой музыкально-выразительных средств, и совершенствование технического мастерства студентов, требовательность к ученикам на всех этапах работы над сочинением, стремление научить будущих музыкантов видеть цель работы и быть профессионально честными в её достижении. Но не менее значимыми были личностные черты Зилоти, во многом способствующие творческому процессу взаимодействия между учителем и учениками, ведь общение в педагогике, а особенно в музыкальной, часто из категории общечеловеческой перерастает в профессионально-творческую.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марк Блицстайн (1905–1964) – американский композитор и пианист. Совершенствовался у Зилоти с 1923 по 1926 гг., затем – у Н. Буланже и А. Шёнберга. Один из первых музыкантов США, работавших в звуковом кино. Автор фильма-оперы «Ночная смена» (1942).

² Евгений (Юджин) Истомин (1925–2003) – американский пианист русского происхождения. В возрасте шести лет начал заниматься у А. И. Зилоти в Нью-Йорке, затем совершенствовался у Р. Серкина в Филадельфийском Институте Кёртиса. В 17 лет победил на конкурсе молодых пианистов имени Левентрита. Объездил почти все страны мира, дал около 4000 концертов. В 1965 г. гастролировал в СССР.

³ Цитаты даются в переводе автора статьи.

⁴ Артур Родзинский (1892–1958) – польский, американский дирижёр. Начал музыкальную и дирижёрскую карьеру в Львовской опере. По приглашению Л. Стоковского Родзинский стал его ассистентом в Филадельфийском оркестре. В 1943 г. после ухода Тосканини занял пост главного дирижёра Нью-Йоркского филармонического оркестра. Имел нелёг-

кий характер и репутацию диктатора. Репертуар Родзинского включал множество произведений русских и советских композиторов. Он был одним из первых исполнителей сочинений Д. Шостаковича на Западе.

⁵ Кириена Александровна Зилоти (1895–1989) – дочь А. И. Зилоти. Пианистка и педагог. Училась в Петербургской консерватории, в том числе у А. К. Глазунова. В 1920–1930 гг. жила в Китае, где в Харбине вместе с мужем Б. Лазаревым вела уроки музыки в студии искусств «Лотос» [9, с. 25]. В 30-е годы переехала в Америку, преподавала, иногда замещая отца. Была в дружеских и творческих отношениях со многими музыкантами: Рахманиновым, Казальсом, Шёнбергом, Стравинским и др.

⁶ Soll heiraten (нем.) – «должен жениться». Свои замечания о выступлениях студентов в Джульярдской школе Зилоти всегда писал по-немецки.

⁷ Алексей Васильевич Гаев (1914–1994) – американский пианист и композитор русского происхождения. Родился в Благовещенске. В 1920 г. его семья переехала в Харбин

(Китай), где преподавала Кириена Зилоти. Гаев брал уроки по фортепиано и гармонии у её мужа – Бориса Лазарева. В 1932 г. эмигрировал в Америку, где с 1934 по 1938 гг. учился в Джульярдской школе музыки. Позже занимался с Надей Буланже, благодаря которой познакомился и подружился со Стравинским. Зилоти познакомил Гаева с Рахманиновым. Из соч.: 2 балета, 2 фортепианных концерта, 3 симфонии, произведения для фортепиано и др. [см.: 15, с. 397].

⁸ Альберт Коутс (1882–1953) – английский дирижёр и композитор. Был ассистентом и учеником А. Никиша в оркестре Гевандхауза. Дебютировал как дирижёр в Лейпцигской опере. С 1910 по 1919 гг. работал в Маринском театре,

где осуществил ряд постановок, в том числе русских опер. В «Музыкальной энциклопедии» ошибочно указаны год и место (1913, Лондон) первого выступления Коутса в качестве симфонического дирижёра [12, с. 15]. Ещё ранее, 8 января 1911 г. в пятом внеабонементном концерте Зилоти, Коутс дирижировал Симфонией № 1 Брамса. Также были исполнены Вступление к 3-му акту оперы «Нюрнбергские мастерзингеры» и Вступление к опере «Парсифаль» Вагнера. В дальнейшем Коутс неоднократно принимал участие в «Концертах А. Зилоти». С 1919 г. жил в Великобритании, где вёл обширную оперную и концертную деятельность. Много гастролировал в США, Италии, России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авьерино Н. Памяти А. И. Зилоти // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1946. – Кн. 12. – С. 277–280.
2. Александрович А. Записки певца. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.
3. Гольденвейзер А. Александр Ильич Зилоти // А. Б. Гольденвейзер. Воспоминания. – М., 2009. – С. 190–194.
4. Гольденвейзер А. Дневник. Первая тетрадь (1889–1904). – М.: Тортуга, 1995.
5. Зилоти А. Письмо А. П. Третьяковой-Боткиной от 22 августа 1904 г. // Александр Ильич Зилоти. Воспоминания и письма / сост., авт. предисл. и примеч. Л. М. Кутателадзе; под ред. Л. Н. Раабена. – Л., 1963. – С. 370–371.
6. Зилоти А. Письмо П. И. Чайковскому от 5 марта/21 февраля 1893 г. // Там же. С. 142–143.
7. Зилоти В. В доме Третьякова. – М.: Высшая школа, 1992.
8. Игумнов К. О творческом пути и исполнительском искусстве пианиста. Из бесед с психологами / сост., предисл. и коммент. М. Смирнова // Вопросы фортепианного исполнительства. – М., 1973. – Вып. 3. – С. 11–72.
9. Кичигин М., Кузнецова-Кичигина В. Русские художники в Китае // Новый мир искусства. – 2004. – № 3/38. – С. 25–27.
10. Мильштейн Я. Константин Николаевич Игумнов. – М.: Музыка, 1975.
11. Прибыткова З. Мои воспоминания об А. И. Зилоти // Александр Ильич Зилоти. Воспоминания и письма / сост., авт. предисл. и примеч. Л. М. Кутателадзе; под ред. Л. Н. Раабена. – Л., 1963. – С. 405–441.
12. Рацер Е. Коутс Альберт // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. – М., 1976. – Т. 3. – Стб. 15–16.
13. Танеев С. Дневники. Кн. 3: 1903–1909. – М.: Музыка, 1985.
14. Тихомиров А. Пятидесятилетие Мариинского женского училища Дамского Попечительства о бедных в Москве (1851–1901). – М., 1901.
15. Barber C. Lost in the Stars. The Forgotten Career of Alexander Siloti. – Lanham, Maryland & Oxford: The Scarecrow Press, 2002.

Мальцева Елена Геннадьевна

старший преподаватель кафедры общего фортепиано, соискатель кафедры истории музыки Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова

